

Настоящее:

- Репортер Юй, твой парень действительно талантливый и симпатичный человек. Вы подходите друг другу.

- Спасибо, Хань-лаоши. Он не любит улыбаться, так что, пожалуйста, не обижайся.

Не желая слушать их крайне лицемерные приветствия, Цзян Сяонин опустил голову к Юй Сюй Цзюнь.

- Я принес канцелярские принадлежности, которые ты просила меня купить. Они еле уместились.

- Ты такой хороший. - кокетливо сказала Юй Сюй Цзюнь, вставая на носочки и целуя его в щеку. Затем она отошла, чтобы позвать кого-нибудь перенести коробки с канцелярскими принадлежностями.

Хань Цзя стоял на месте и смотрел на него.

- Может нам вместе пойти и перенести коробки?

Цзян Сяонин промолчал. Когда-то он думал, что уже ненавидит этого человека до глубины души, но в тот момент он не ожидал, что сможет возненавидеть его еще больше.

Его взгляд переместился на лицо Хань Цзя и увидел, что цвет его кожи потемнел совсем немного, не изменив его внешности... однако выражение его глаз было другим. Через некоторое время он повернулся и вышел за ворота школы.

Хань Цзя последовал за ним и молча помог ему выгрузить коробки из машины. У обоих были закатаны рукава, и время от времени их руки соприкасались, но Хань Цзя никак не реагировал.

Вскоре к ним подошли и другие учителя, и пока они все переносили, они очень оживленно выражали свою благодарность Юй Сюй Цзюнь и Цзян Сяонину. Одна женщина средних лет даже потянула Юй Сюй Цзюнь за руку и сказала:

- Большое спасибо. Вы со своим парнем тоже должны прийти завтра. Вы можете сказать несколько слов детям во время церемонии открытия, что вдохновит их на усердную учебу и принесет славу их родному городу.

Юй Сюй Цзюнь посмотрела на Цзян Сяонина и улыбнулась, после чего схватила женщину за руку и потянула ее в сторону, чтобы что-то сказать.

Цзян Сяонин отошел от нее, пока он и все остальные двигались обратно к зданию школы. Поскольку здесь не было склада, коробки пришлось складывать в офисе одну за другой.

Закончив с этим, Цзян Сяонин мыл руки в тазике, стоявшем в кабинете, когда увидел Юй Сюй Цзюнь, махавшую ему снаружи.

Он подошел, достал из кармана связку ключей и протянул ей.

- Возьми свои ключи обратно.

- Ты можешь придержать их у себя, чтобы вести машину в случае чего.

Юй Сюй Цзюнь взяла его за руку и улыбнулась:

- Но у тебя не будет возможности сесть за руль сейчас. Возможно, тебе придется остаться здесь и сопровождать меня некоторое время.

- Хорошо, - просто сказал Цзян Сяонин. - Я полностью поддерживаю твою карьеру.

Обычно он вообще никого не баловал, не говоря уже о том, чтобы говорить такие приятные слова. Юй Сюй Цзюнь была очень тронута и прижалась к нему, но через некоторое время она сказала несколько извиняющимся тоном.

- Сяонин, не мог бы ты тогда сделать кое-что для меня?

- Что именно?

- Переспи с этим Хань-лаоши.

Цзян Сяонин замер.

- Я знаю, что мы должны жить вместе... - испорченным тоном сказала Юй Сюй Цзюнь.

- Но ты должен поддерживать мою карьеру, верно? Поскольку я девушка, мне не подобает пялиться на Хань Цзя двадцать четыре часа в сутки.

Цзян Сяонин выдохнул, затем кивнул и сказал.

- Нет проблем.

Юй Сюй Цзюнь взяла его за руку.

- Я только что разговаривала с Чжан Сао и сказала ей, что раз мы не женаты, то неправильно жить вместе. Люди здесь консервативные, и Чжан Сао посчитала, что это вполне разумно. Я также предложила, чтобы вы с Хань Цзя жили вместе, и она согласилась. Позволь мне сказать, что слово Чжан Сао здесь самое действенное. Нам нет необходимости обсуждать этот вопрос с Хань Цзя, она сделает это за нас.

Цзян Сяонин кивнул и оглянулся. Хань Цзя наливал воду из термоса для учителя средних лет и о чем-то радостно болтал.

После этого Цзян Сяонин и Юй Сюй Цзюнь вышли из школы и поехали в небольшой городок, чтобы купить комплект постельного белья, а затем вернулись в город, чтобы поужинать.

Как только они закончили, Цзян Сяонин отвез Юй Сюй Цзюнь обратно в дом тети Чжан Сао. Это была пожилая женщина с тонкими волосами, зачесанными в пучок, с плохим зрением и невнятной речью.

- Хань-лаоши живет во дворе на западе. Когда он приехал, в общежитии для учителей не хватало места, поэтому он стал жить с Лао Лю. Но меньше чем через полгода Лао Лю попал в аварию, когда ехал в город. Поскольку у него не было детей, все посоветовали Хань-лаоши продолжать жить там. Двор не очень большой, но дом достаточно просторный. Даже если вы останетесь вдвоем, вам не будет тесно. Это для вас: желтые - главные ворота, а белые - для дома.

Цзян Сяонин поблагодарил ее и взял ключи. Но прежде чем он вышел, тетя сказала:

- Школа откроется завтра. Все обедают в доме директора. Ключи, которые я тебе дала, - те самые, которыми пользовался Лао Лю. У Хань-лаоши тоже есть связка, так что тебе не придется ждать его у двери.

Услышав это, Цзян Сяонин все понял и кивнул головой Юй Сюй Цзюнь. Он вышел, чтобы взять постельное белье из машины, и направился во двор, как велела тетушка.

Замок на воротах был немного ржавый, и потребовалось немало времени, чтобы его открыть. Двор был очень маленьким, Цзян Сяонин прошел всего семь-восемь шагов, прежде чем оказался перед домом, открыл дверь и нащупал выключатель.

Свет был очень тусклым, поэтому внутри дома было несколько темно. Цзян Сяонин обвел взглядом просто обставленный дом, затем сделал несколько шагов вперед и толкнул дверь в комнату.

Освещение во внутренней комнате было намного ярче. На столе перед кроватью лежал открытый учебник, похоже, что Хань Цзя обычно готовился к уроку в этой комнате.

Осмотревшись, Цзян Сяонин вошел и положил постельное белье на кан* посреди комнаты. Затем, ничего не убирая, он сел на стул рядом с кроватью.

Только тогда он заметил, что с тех пор, как он вошел во двор, его сердцебиение стало учащаться... и теперь он едва мог дышать.

Сделав несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться, он наконец осмелился подумать о Хань Цзя.

На самом деле он не ожидал увидеть такого Хань Цзя.

Цзян Сяонин знал имя Хань Цзя с давних пор, и в самые импульсивные и безрассудные годы своей юности он встретил его.

В то время Хань Цзя можно было назвать соблазнительным и кокетливым. Его губы всегда были ярко-красными и влажными, его улыбка всегда носила оттенок вульгарности и романтики, его глаза всегда были слегка сужены, когда он бросал на кого-то косые взгляды. Он был бесстыден и эгоистичен. Он был похож на человека, который никогда не стеснялся, не волновался, не был глубоко ранен и жил исключительно ради удовольствий жизни. Для юного Цзян Сяонина он был воплощением страсти.

Их жизни пересеклись всего на пять месяцев, а затем их разделяли пять лет.

Пять лет - более чем достаточно для того, чтобы человек вырос и возмужал, познакомился с разными людьми, пережил разные ситуации, научился разным способностям. Теперь некогда ясные и светлые глаза стали глубже, мягкое сердце ожесточилось... все изменилось. Однако образ Хань Цзя в его сознании всегда оставался прежним.

В те времена, когда он слегка опускал голову, чтобы посмотреть на Хань Цзя, в уголках его губ появлялась дразнящая улыбка, а глаза были темными, как холодный и пронзительный бассейн с водой.

При одной мысли об этом Хань Цзя сразу же становилось тяжело... неважно, ненавидел ли он его, все равно становилось тяжело.

Но сейчас на нем была белая рубашка. Раньше он говорил, что белые рубашки носят только люди с унылым характером. Ему нужно было лишь слегка приподнять голову, чтобы увидеть себя. Ладони рук были покрыты тонким слоем мозолей, поэтому, когда он пожимал кому-то руку, это было сильно и мощно. Его выражение лица было великодушным и безразличным, как будто он был невинным человеком.

Но изменения Хань Цзя были больше, чем его.

Цзян Сяонин вспоминал, как он видел Хань Цзя в начале дня, пока слабый звук открывающейся двери не вернул его к реальности.

Легкие и неторопливые шаги приближались. С того места, где находился Цзян Сяонин, он мог видеть, как главная дверь была открыта настежь. В тусклом свете показался Хань Цзя в белой рубашке и серо-голубых брюках.

Хань Цзя бросил взгляд на Цзян Сяонина, выключил свет в главной комнате и прошел во внутреннюю комнату.

- Господин Цзян, условия здесь не слишком хорошие. Если ты не находишься в этой комнате, то, пожалуйста, выключи свет...

Что бы он ни говорил, Цзян Сяонин не слышал его. Он смотрел на Хань Цзя, когда тот вошел, смотрел на его спокойное и собранное выражение лица, смотрел, как он убирает постельное белье на кан, а затем услышал, как он сказал:

- Поскольку я просыпаюсь довольно рано, тебе будет слишком шумно. Как насчет...

В конце своего терпения Цзян Сяонин внезапно встал и сделал несколько шагов, чтобы встать рядом с Хань Цзя, который, наклонившись, укладывал постельное белье. Он опустил плечи и прижался лицом к грязной подстилке.

Очевидно, что Хань Цзя не ожидал этого, так как его тело на мгновение замерло, прежде чем он отреагировал и начал бороться, отводя руки назад, пытаясь перевернуться.

Надавив коленом на бедра Хань Цзя, Цзян Сяонин просунул руку под Хань Цзя к его груди и начал срывать с него рубашку. Хань Цзя изо всех сил пытался оттолкнуть его, отказаться, но сила, из-за которой молодой Цзян Сяонин когда-то не мог сопротивляться, сейчас не стоила и упоминания. Всего за пару движений Цзян Сяонин смог разорвать некачественную рубашку. Затем он потянул руки Хань Цзя назад и легко снял ее, а затем использовал, чтобы завязать узел вокруг его запястий, чтобы закрепить его руки за спиной.

Человек, который раньше играл с его чувствами, теперь был в его руках, не имея возможности сопротивляться. Думая об этом, дыхание Цзян Сяонина казалось облегченным.

Хань Цзя задыхался, так как его тело было крепко связано. Но когда он почувствовал, что Цзян Сяонин убрал колено, чтобы расстегнуть брюки, Хань Цзя использовал все силы, чтобы перевернуться и ударил Цзян Сяонина ногой.

Цзян Сяонин быстро переместился, но так как он был слишком близко к Хань Цзя, он не смог уклониться. Мощный удар по икрам заставил его пошатнуться назад. Видя это, Хань Цзя воспользовался возможностью и встал, намереваясь выбежать из комнаты.

Цзян Сяонин подбежал и схватил Хань Цзя за руки, которые были связаны сзади. Он хотел

оттащить его обратно на кровать, но Хань Цзя упрямо опустил плечи и продолжал бороться, даже если бы ему пришлось вывихнуть руки.

Заметив это, Цзян Сяонин просто отпустил его. Хань Цзя неожиданно рванулся вперед, но Цзян Сяонин безжалостно ударил его по спине, оттолкнул к противоположной стене и нечестно воспользовался своим преимуществом.

Во время этого процесса никто из них не разговаривал, в уши Цзян Сяонина доносились только звуки тяжелого дыхания и ударов, а манящее тело и прикосновения Хань Цзя были такими же завораживающими, как и пять лет назад.

Прежде чем прижать Хань Цзя к стене, он уже был тверд, как кусок железа.

Обхватив одной рукой горло Хань Цзя, Цзян Сяонин протянул другую руку, чтобы расстегнуть пояс.

Хань Цзя издал слабый хныкающий звук, но все еще боролся, пока говорил.

- Сяонин, Сяонин, Сяонин...

В этом голосе звучала печаль и нежность.

Не сразу глаза Цзян Сяонина стали красными, и он выругался.

- Заткнись!

Одна его рука потянулась, чтобы зажать рот Хань Цзя.

Хань Цзя открыл рот и сильно укусил руку, на столько сильно, что казалось, будто он хочет вгрызться прямо в кости.

По руке Цзян Сяонина пробежала боль, и как только он с силой отдернул руку, Хань Цзя укусил еще сильнее, не желая отступить.

- Открой свой поганый рот!

Цзян Сяонин осыпал его проклятиями, так как боль во всех пальцах и сердце уже вызвала в нем раздраженный гнев. Слова, которые он выкрикнул, были полной противоположностью тому, что он хотел сказать десять секунд назад, и от этого его грудь болела еще сильнее.

"Хань Цзя, ты действительно хорош! Ты все еще умеешь играть с людьми!" - сердито подумал он. Другая его рука все еще держала шею Хань Цзя, когда он приблизился к уху и угрожающе зарычал на него.

- Открой рот!

Хань Цзя не шелохнулся и еще сильнее укусил его, пока из его губ не потекла ярко-красная кровь, которая потекла по ладони Цзян Сяонина.

Как оказалось, Цзян Сяонин всегда первым идет на компромисс. Он разжал руку, державшую Хань Цзя за шею, и с ненавистью произнес:

- Открой рот, я тебя не трону.

Хань Цзя оставался безучастным.

Свободной рукой Цзян Сяонин грубо развязывал узлы на запястьях Хань Цзя. Когда он завязывал их, он боялся, что они недостаточно тугие, но теперь они его сильно раздражали. Развязать этот узел было не так-то просто. Цзян Сяонин встал как можно дальше и сказал:

- Теперь открой рот.

Через три или четыре секунды Хань Цзя медленно отпустил руку, зажавшую ему рот, и оттолкнул стоявшего позади него Цзян Сяонина. Он даже сделал несколько шагов назад, схватил стул и поставил его перед собой в качестве преграды.

Из его рта текла кровь, губы были сжаты, а лицо покраснело от удушья.

Цзян Сяонин поднес окровавленную руку ко рту и облизал ее, поднял голову и посмотрел на Хань Цзя, затем снова опустил голову и облизал свою рану, после чего снова посмотрел на него. Через некоторое время Хань Цзя, казалось, примерно понял, что он имел в виду. Несмотря на то, что в его глазах появилось выражение нерешительности, он просто вздохнул, повернулся и пошел прочь.

Вскоре из главной комнаты донесся звук открываемого в поисках чего-то шкафа, а затем Хань Цзя вернулся с аптечкой в руках.

---

1. Кан - кирпичная кровать с подогревом - 炕 kàng - традиционная длинная (2 метра и более) платформа для общего проживания, работы, развлечений и сна, используемая в северной части Китая, где зимой холодный климат. Она изготавливается из кирпича или других видов обожженной глины, а в последнее время в некоторых местах - из бетона. Внутри выложенной кирпичом платформы находится зона для тепла, поступающего из печи (традиционно угольной). Дымоход из канала ведет наружу для отвода газов. Тепло поддерживается в течение дня и ночи, что делает комфортным дневное времяпрепровождение и уютный сон.

<http://bllate.org/book/14198/1251311>